

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Павлович К.К. Проза Е. П. Майковой в контексте «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова // Филология: научные исследования. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.1.72621 EDN: BSQPEO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72621

Проза Е. П. Майковой в контексте «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова

Павлович Кристина Константиновна

ORCID: 0000-0002-4364-9120

кандидат филологических наук

доцент; Филологический факультет; Национальный исследовательский Томский государственный университет

634012, Россия, г. Томск, ул. Елизаровых, 50, кв. 80

pavlovitch.cristina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.1.72621

EDN:

BSQPEO

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2024

Аннотация: Объект исследования – две романтические повести Е. П. Майковой «Мария» (1835) и «Женщина» (1850). Предмет исследования – синтез романтических и реалистических традиций в эстетике писательницы Е.П. Майковой. В центре внимания находится прозаическое творчество хозяйки литературного дома, которое носило на себе печать переходного времени в русской литературе XIX века, когда закладывались и развивались эстетические основы И. А. Гончарова. Его первый роман «Обыкновенная история» (1847) – художественное отражение времени, мировоззренческих проблем и споров относительно развития отечественной словесности в период перехода от романтизма к реализму. Эти эстетические проблемы обсуждались в литературном доме Е. П. Майковой. Её ультрамонтантическая повесть «Мария» в своей сюжетной основе связана с «Евгением Онегиным» А. С. Пушкина, а именно с образом Татьяны Лариной и одновременно с романтиком Александром Адуевым из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова. Спустя полтора десятилетия у писательницы выходит повесть «Женщина», в

которой всё яснее проступают реалистические черты. Текст словно повторяет фабулу пушкинского романа в стихах в любовной линии. Реалистическая связь повести Е. П. Майковой оказывается сродни финалу «Обыкновенной истории», текст которого писался Гончаровым в недрах майковского литературного дома. Данное исследование, посвященное ранее неизвестному творческому наследию хозяйки литературного дома Е.П. Майковой, связано с биографическим, сравнительным и типологическими методами. Актуальность работы связана с возросшим интересом к окружению И.А. Гончарова, к участникам литературного дома Майковых, их личному творчеству. Научная новизна состоит в том, что в данной статье впервые представлен опыт анализа как отдельных прозаических текстов Майковой, так и исследование типологических связей данных повестей с первым романом Гончарова «Обыкновенная история» (1847) и предшествующим ему текстом- «первоосновой»- «Евгений Онегин» (1833) А.С. Пушкина. В результате было установлено, что прозаические опыты Е. П. Майковой оказываются чрезвычайно важными для объяснения диалектического отношения Гончарова к романтическим традициям на протяжении всего его творчества. Повести хозяйки литературного дома отражают движение к реалистическим тенденциям, психологизму на пути движения к русскому классическому роману.

Ключевые слова:

романтизм, реализм, художественный синтез, проза, роман, психологизм, литературный дом, Гончаров, Майкова, Пушкин

Раннее творчество И. А. Гончарова было тесным образом связано с литературным домом Майковых, который явился репрезентантом эстетических противоречий того времени— борьбы романтических и реалистический начал. Первый роман Гончарова «Обыкновенная история» (1847) был создан в недрах семьи Майковых, при постоянном общении и переписке с его членами. Именно на суд этой творческой публике писатель вынес первое «детище» — рукопись, после чтения которой последовало множество положительных отзывов.

Литературный генезис «Обыкновенной истории» напрямую связан с автобиографическими аспектами. Эстетические споры в доме Майковых, нашедшие отражение в творчестве его представителей, легли в основу первого текста Гончарова, имеющего черты романа-воспитания, в котором автором была показана борьба двух концепций жизни, типичных для русского общества 1840-ых годов— идеалистического и реалистического мировидения. Гончаров, говоря о главном конфликте романа, замечал, что «...когда я писал „Обыкновенную историю“, я, конечно, имел в виду — и себя, и многих подобных мне, учившихся дома или в университете, живших по затишьям, под крылом добрых матерей, и потом — отрывавшихся от неги, от домашнего очага, со слезами, с проводами <...> и являвшихся на главную арену деятельности, в Петербург» [\[1, с. 73\]](#).

Гончаровед А. П. Рыбасов полагал, что не следует понимать тип конфликта романа, как явную противопоставленность мечты и реальности, ультимативную односторонность [\[2, с. 44\]](#). Вопрос об отношении Гончарова с традициями романтизма необычайно сложен [\[3, с.15-21\]](#),[\[4, с.14-19\]](#),[\[5, с. 77-81\]](#). Эта диалектика проявлена в романе «Обыкновенная история», в синтезе двух эстетических начал, концепций жизни дяди и племянника.

Об особой связи романа с указанным семейством свидетельствует его чтение в салоне

по вечерам в кругу «молодых, чутких», близких для Гончарова людей. Ценными в этой связи оказываются воспоминания А. В. Старчевского: «По вечерам, в воскресенье и другие праздничные дни, когда собирались много молодежи, часто происходили чтения чего-нибудь выдающегося в современной журналистике, с критическими и другими замечаниями, идущими к делу. Чтения эти введены были покойным Владимиром Андреевичем СолоницЫным <...> но со смертью его почти прекратились, как вдруг Иван Александрович Гончаров, написав свою „Обыкновенную историю”, заявил в один вечер, что, прежде чем отдать ее в печать, желал бы прочесть свое первое произведение у Майковых в несколько вечеров и выслушать замечания именно молодого, чуткого, откровенного и ничем не стесняющегося поколения; тем более что все слушатели были его ближайшие друзья и доброжелатели, и если бы в чем-нибудь замечания их оказались неверны, то их тут же и опровергнут» [\[6, с. 716\]](#). Прислушавшись к ценным замечаниям В. Майкова, Гончаров внес исправления в текст рукописи. Старчевский, описывая события того знаменательного вечера, отмечает тот факт, что Гончаров прислушался к молодому критику В. Н. Майкову, представляющему антиромантическую позицию в своем творчестве: «...Иван Александрович начал читать свою повесть. Все мы слушали ее со вниманием. Язык у него хорош; она написана очень легко, и до чаю прочитано им было порядочно <...> Иван Александрович обратил внимание на некоторые замечания самого младшего из нас. Валериана Майкова, и решил сделать изменения в повести «Обыкновенная история» сообразно с указаниями молодого критика. Конечно, Иван Александрович во время чтения своей повести при многочисленном обществе сам лучше других замечал, что надобно изменить и исправить, и потому постоянно делал свои отметки на рукописи, а иногда и просто перечеркивал карандашом несколько строк. Но все же переделка эта потребовала немного времени, потому что спустя несколько дней опять назначено было вторично прослушать «Обыкновенную историю» в исправленном виде...» [\[6, с. 716\]](#).

На формирование художественной идеи первого романа оказало влияние не только пребывание Гончарова в качестве воспитателя и доброго друга семьи Майковых, но и их эстетические позиции, нашедшие содержательное отражение в эпистолярии и собственной художественной деятельности. Так Е. П. Майкова начала писать прозу с 1830-ых годов и на протяжении всей творческой деятельности сохранила верность романтическим традициям. Данный факт оказывается значимым в контексте написания первого романа Гончарова. Это проявилось в пристальном внимании хозяйки салона к тексту молодого писателя и изображенном в нём конфликте романтика и реалиста. Повести Майковой «Мария» (1830) и «Женщина» (1850) в основе своей связаны с пушкинской традицией, интертекстуально вошедшей в канву «Обыкновенной истории». Роман «Обыкновенная история», по свидетельству многих исследователей, имеет «пушкинский код» [\[7, с. 146-153\]](#),[\[8, с. 42-57\]](#). Художественное творчество Майковой важно для исследования формирования эстетики раннего Гончарова. Это подтверждает исследователь майковского литературного дома О. В. Седельникова: «Её произведения, совершенно неизвестные в наше время, заслуживают серьезного внимания и изучения и как явление литературной жизни того периода, и в контексте эстетических дискуссий, происходивших в кружке Майковых, внутри которых шло формирование общественно-эстетических взглядов таких крупных представителей русской литературы, как И.А. Гончаров и Ф.М.Достоевский» [\[9, с.164\]](#).

Ультрамантическая повесть «Мария» (1835), вышедшая спустя два года после пушкинского романа в стихах и тремя годами ранее, чем первая антиромантическая повесть И.А. Гончарова «Лихая болесть», очевидно связана с «романтической» частью

романа «Обыкновенная история». В повести «Мария» Майкова обращается к образу «большой мечтательницы» [\[10, с. 248\]](#), которая томима чувством любви к поэту Байрону. Героиня признается подруге Елене в увлечении поэтом: «Ты вся предана увлекательному романтизму». Мария, по словам автора, обладает «поэтической душой», она «дитя злословия» [\[10, с. 250\]](#).

В художественном тексте Е. П. Майковой главная героиня полна глубоких чувств к Байрону. В разговоре с подругой Еленой Мария признается в этом, заявляя, что время свиданий с ним: «...любила и была любима так, как ни одна женщина в мире... Елена, Елена! пощади меня, не требуй объяснений. Твой сострадательный взгляд уничтожает меня...». Чувство роковой страсти героиня признает греховным: « О! не гляди, не презирай меня; я достойна сожаления, я жестоко наказана им самим, судьбою. Пощади, пощади несчастную» [\[10, с. 258\]](#). Мария признается в том, что её существование воплощается в эстетической категории «двоемирья»: есть реальная, супружеская жизнь, переписка с близкой подругой и фантазийный мир, в котором она «любила — любовию пылкой фантазии». Вся жизнь героини стала стремлением уловить байронические проявления («голос призывал меня в тиши ночной к берегам моря; «везде я встречала его поэзию: раскаты грома и мелодические трели соловья говорили мне языком любимого поэта. Я презирала всех мужчин, считая его одного достойным любви моей» [\[10, с. 258\]](#)).

В трёх художественных текстах упоминается Байрон как символ культуры романтизма, и если в пушкинском романе в стихах и романе Гончарова имя поэта связано с кругом чтения героев, характерологически выявляющее особенности личности каждого, то в повести Майковой героиня является не только поклонницей таланта певца «мрачного эгоизма», но и его возлюбленной: «Ты бредишь, стонешь, как все страдательные лица романов. Кстати, верно, ты читала Байрона, и Чайльд-Гарольд прельстил тебя?— Байрона? — сказала тихо Мария. — Читала ли я Байрона! — повторила она дрожащим голосом, и яркий румянец покрыл щеки ее; небесные взоры отуманились, алмаз утренней росы заблистал на черных ресницах. Она молчала... Но вдруг, прервав свое красноречивое молчание, начала говорить, сперва тихо, потом с твердостью. — Она думает, несчастная, что я только читала Байрона!.. Нет, мой друг, нет! я его видела, знала, лю... Но она не могла кончить рокового слова «люблю»; колебалась излить все свое сердце в душу друга» [\[10, с. 258\]](#). В процессе чтения повести становится ясно, что любовные отношения протекают в вымышленном, идеальном мире героини. На формирование её личности большое влияние оказали книжные предпочтения. Приятельница первая упоминает Байрона и его известную поэму, после этого Мария признается в своей сердечной тайне: «Я читала и перечитывала творения великого поэта, учила наизусть неподражаемые стихи его, проникала в каждую его мысль, разгадывала болезненные чувства, которые водили первом его, страдала с ним вместе... О! сколько слез умиления пролито мною на благородные черты певца Чайльд-Гарольда<...> [\[10, с. 255\]](#).

Собеседница признается, что с большим вниманием относится к творчеству «певца Британии», она представляет его творческий портрет, видя в нём гения: «Мне было удивительно, непонятно, как соотечественники Байрона не постигли этого великого гения, этого друга человечества, который, поэзиею души своей, указывал даже врагам своим истинный путь к высокому и прекрасному. <...>. Байрон предстает для героини человеком тяжёлой судьбы, который пожертвовал собственным состоянием ради «свободы забытой Греции, — Греции, стоявшей на обломках древнего своего

могущества, как жертва эгоизма веков и народов!» [\[10, с. 255\]](#). Героиня наследует важный принцип жизнестроительства возлюбленного — «жизнь и поэзия — одно», на собственном примере доказывая трагичность одолевших её чувств. Майковская Мария упоминает имя Августины, кровной сестры Байрона, которой он был очарован, откровенно признаваясь в том, что хотела бы быть на её месте: «Для чего я не сестра его, которую он так много любил и так жалобно вспоминал в своем горьком, безотрадном уединении!» [\[10, с. 255\]](#).

Лорд Байрон также входит в круг чтения Татьяны Лариной, которая в начале романа в стихах, пребывая в литературном мире, грезит о суженном. А. С. Пушкин, используя в тексте имя Байрона, подчеркивает эстетические особенности его творчества: «Лорд Байрон прихотью удачной/Облек в унылый романтизм/И безнадежный эгоизм» [\[11, с. 53\]](#).

В одной из «онегинских строф» проявляется диалектическая позиция Пушкина в отношении Байрона. С одной стороны, на протяжении всего творческого пути Пушкин не переставал ценить свободолюбивой лирики поэта, особенно в период «Южной ссылки» (1820-1824), и, по словам В. С. Баевского, «усвоение А. С. Пушкиным творческой личности Дж. Г. Байрона стало явлением в космосе культуры, подобным столкновению двух сверхярких звёзд» [\[12, с. 106\]](#), но вместе с тем в данных строках представлена близкая к критической, ироническая позиция Пушкина в отношении автобиографических элементов: «Сличая здесь мои черты,/ Не повторял потом безбожно,/Что намарал я свой портрет,/Как Байрон, гордости поэт,/ Как будто нам уж невозможно/ Писать поэмы о другом,/ Как только о себе самом» [\[11, с. 28\]](#). В интерьере молодой героини поэт помещает «...лорда Байрона портрет» [\[11, с. 127\]](#), так и в повести «Мария» героиня «достаёт его портрет» [\[10, с. 255\]](#).

Имя Байрона появляется на страницах «Обыкновенной истории», когда Александр Адуев пробует вступить на писательское поприще и получает негативные комментарии от редакторов журналов, в которые он посыпает свои опыты. Рецензенты отмечают «излишнюю пылкость, неестественность, все на ходулях, нигде не видно человека... герой уродлив... таких людей не бывает...» [\[6, с. 258\]](#). Молодой Адуев возражает: «Таких людей не бывает! - подумал огорченный и изумленный Александр, - как не бывает? да ведь герой-то я сам» [\[6, с. 268\]](#). После этого признания Адуев «в подтверждение чистоты исповедуемого им учения об изящном, призывал тень Байрона, ссыпался на Гете и на Шиллера» [\[6, с. 268\]](#). В самом начале романа имя Байрона оказывается в списке литературных увлечений, что указывает на романтическое мироощущение героя, уединенность и внимание к «мрачной стороне человечества». Сам дядя, Петр Иванович, определяет его меланхолическое состояние как отсылку к английскому кумиру: «И теперь малый байронствует, ходит такой угрюмый и денег не просит» [\[6, с. 359\]](#).

Уже в четвертой главе Гончаров упоминает Байрона в связи с образом Александра в ином контексте. Юная Лиза читает романтическую поэму «Чайльд-Гарольд», это вызывает у Адуева сожаление («мне жаль, что эта книга попалась вам в руки» [\[6, с. 401\]](#)) и обеспокоенность: «...я не советовал вам читать Байрона, что... он, может быть, пробудит в душе вашей такие струны, которые бы век молчали без того; может быть, жизнь ваша протечет тихо, как этот ручей: видите, как он мал, мелок; <...> он не отразит ни целого неба в себе, ни туч; на берегах его нет ни скал, ни пропастей; он бежит игриво; чуть-чуть лишь легкая зыбь рябит его поверхность; отражает он только зелень берегов, клочок неба да маленькие облака... так, вероятно, протекла бы и жизнь ваша,

а вы напрашиваетесь на напрасные волнения, на бури; хотите взглянуть на жизнь и людей сквозь мрачное стекло... Оставьте, не читайте! глядите на все с улыбкой, не смотрите вдаль, живите день за днем, не разбирайте темных сторон в жизни и людях, а то... - А то что? - Ничего! - сказал Александр, будто опомнившись» [\[6, с. 401\]](#). Именно этот диалог с героиней оказывается важным на пути нравственной эволюции младшего Адуева, развенчания его экзальтированности. Он предостерегает собеседницу: «...иначе может случиться страшный разлад... и в голове, и в сердце. - Тут он покачал головой, намекая на то, что он сам - жертва этого разлада» [\[6, с. 402\]](#). Таким образом, имя английского поэта в пространстве гончаровского романа оказывается символом романтизма. В нравственной эволюции Адуева имя Байрона упоминается в самом начале романа и ближе к финалу, что указывает на изменения мыслей главного героя, его жизненных принципов.

Пушкинская линия в повести Майковой оказывается связана с главными героями. Майковская Мария во многом оказывается схожей с образом Татьяны Лариной. Юная Мария не осознавала, как опасно предаваться «мечтам пылкого сердца» [\[10, с. 251\]](#), так как вся её жизнь проходила в «отблесках меланхолического светила» [\[10, с. 251\]](#), она в молодую пору «упивалась ядом чувствительности» [\[10, с. 251\]](#). Схожие черты находим в художественном образе Татьяны, которая предается чувству и страдает от этого: «Оставь меня: я влюблена/ И между тем луна сияла /И томным светом озаряла/Татьяны бледные красы,/И распущеные власы,/И капли слез, и на скамейке/Пред героиней молодой...» [\[11, с. 56\]](#), и в образе молодого Адуева, привезшего в Петербург Сонюшкин волос и кольцо.

Мария, как и пушкинская героиня, находилась в юном возрасте, который связан с мечтательностью, идеальным миром: «Она вся существовала в мечтании, творила себе миры по воле фантастического своего воображения. Ей было только пятнадцать лет» [\[10, с. 251\]](#). Молодой Александр Адуев, только что покинувший родные пенаты, по приезде в город тоже «мечтал о благородном труде, о высоких стремлениях и преважно выступал по Невскому проспекту, считая себя гражданином нового мира...» [\[6, с. 25\]](#).

Мечтания о возлюбленном сопровождаются в повести Майковой романтически-возвышенными картинами природы: «День вечерел. Туман опускался на землю в виде эфирного газа, украшающего милую головку женщины, и женщина, прекрасная, как весеннее утро, задумчиво сидела на балконе своего сельского дома. Она, казалось, прислушивалась к лепету каждого листочка. Какое-то нетерпение, полное грусти, выражали ее взоры, когда она обращала их в ту сторону, где пролегала большая дорога, ведущая к ее поместью» [\[10, с. 247\]](#). Влюбленная Татьяна тоже «любила на балконе/Предупреждать зари восход/, Когда на бледном небосклоне/Звезд исчезает хоровод...» [\[11, с. 42\]](#). Выросший в Грачах, на лоне идилличных пейзажей, Александр не находит природных видов в Петербурге: «Он посмотрел на дома - и ему стало еще скучнее: на него наводили тоску эти однообразные каменные громады, которые, как колоссальные гробницы, сплошною массою тянутся одна за другою. «Вот кончается улица, сейчас будет приволье глазам, - думал он, - или горка, или зелень, или развалившийся забор», - нет, опять начинается та же каменная ограда одиноких домов, с четырьмя рядами окон» [\[6, с. 204\]](#).

Круг чтения героев служит одним из важных средств характерологии, фантазийный мир майковской героини был замкнут на чтении: «Поэзия, книги, прелестная Мария всегда

задумчиво блуждала, как небесная поэзия в мире идеальном; искала впечатлений более глубоких, впечатлений сердца; ей нужны были книги, услаждающие душу высокую» [\[10, с. 251\]](#). Татьяна Ларина тоже была любительницей «романов», которые «ей заменяли всё» [\[11, с. 42\]](#). «Трижды романтик — по натуре, по воспитанию и по обстоятельствам жизни» [\[13, с. 38\]](#) Александр пишет романтические стихи, одно из которых («Тоска и радость» (1835), в тексте романа представлено с одной стороны, как поэтический образец лирики героя, а с другой — как очевидная автопародия [\[10, с. 20-35\]](#) Гончарова на ранние опыты, имевшие связь с романтической лирикой.

Пылкость юношеского сердца во всех текстах оказывается связана с категорией страсти, которая составляла «существенную цель жизни» [\[10, с. 252\]](#) у Марии; Пушкин вопрошаёт к читателю: «Ужели не простите ей. Вы легкомыслия страстей?» [\[11, с. 57\]](#). В гончаровском тексте привыкший к провинциальной жизни Адуев мечтает о «колossalной страсти, которая не знает никаких преград и свершает громкие подвиги» [\[6, с. 179\]](#).

Всё это отличает романтических героев от реалистов, которым они оказываются сюжетно противопоставлены. В тексте Майковой Марии противопоставлена её подруга, которой она признается в своих тайнах. В пушкинском тексте романтически возвышенному образу Лариной противоположен образ реалиста-Онегина, а в «Обыкновенной истории» Адуев-старший — Адуеву-младшему.

Содержание эпистолярного материала в структуре майковской повести посвящено любовной теме, как и в «Евгении Онегине» и «Обыкновенной истории» Гончарова. Самое первое письмо принадлежит Байрону. Далее следуют письмо Елены о Марии к сестре, письмо Марии к Елене и последний эпистолярный фрагмент — письмо Байрона, адресованное Марии. В художественном тексте отсутствуют отправленные письма Марии к Байрону, однако почти в finale повести есть неотправленные отрывки, в которых она пишет о себе в третьем лице, словно дистанцируясь от «прежней», мечтательной Марии, которая разочаровалась в собственных идеалах, как и пушкинская Татьяна и гончаровский Адуев-младший.

Майковская героиня претерпевает нравственную эволюцию, превращаясь из возвышенной женщины в разочарованную в своих идеалах. Героиня прекращает «отношения» с Байроном из-за осознания собственного супружества: «Скройся, обожаемое чудовище! будь счастлив, если можешь. Умоляю об одной слезе на моей могиле. Прощай!..» [\[10, с. 257\]](#). В своих заметках она уже выступает отстраненной от этой любовной истории, словно говорит о себе как о чужом, незнакомом ей человеке: «Так, это он! Я его видела. Можно ли было мне ошибиться, не узнать его — убийцу Марии?.. (курсив наш- К.П). Я видела, как он обнимал крест над прахом моего друга; я видела, как текли слезы его, видела это гордое чело, поникшее над могилой. Онрыдал как дитя, но дитя, потерявшее любимую куклу свою, — не более» [\[10, с. 262\]](#).

Е. П. Майкова сочувствует Марии. В финальных строках ощущается трагический пафос, который связан с невозможностью жить в реальном мире без романтического идеала (любви к поэту Байрону). Писательница выстроила сюжет собственной повести так, чтобы читатель постоянно находился на границе реальности и грёз героини. Во время чтения присутствует иллюзорность, недосказанность в том, была ли это история на самом деле. Майкова, подводя итог трагической гибели героини, философски, в духе романтической патетики заключает: «Жить и любить есть предназначение женщины. Любовь — её жизнь. Отнимите у нее любовь — она не может жить» [\[10, с. 263\]](#).

Повесть Майковой «Женщина» (1850), созданная вскоре после выхода в свет первого романа Гончарова, начинается с письма Софьи своей приятельнице Наташе. В нём героиня (Софья – прим. наше) формулирует одну из главных коллизий повести: «И что такое счастье женщины, такой как я?» [14, с. 147]. Автор относит образ Софьи к мечтательным натурам: «Эти люди составляют особую касту в человечестве: они живут более внутреннюю, нежели внешнюю жизнь. <...> Увы! Эти бедные сердца скитаются как парии в мире вещественном, и скоро делаются жертвами пошлой жизни.<...> « Бывают совершенно несчастны, когда неменуемое разочарование открывает им панораму действительности во всей наготе её» [14, с. 152].

В семнадцать лет после смерти своих родителей Софья вышла замуж. В одном из писем она характеризовала своего мужа как «доброго, почтенного человека, который хотел уберечь её юность» [14, с. 149]. Как и Мария из более ранней повести Майковой (1835) и Татьяна Ларина из романа в стихах Пушкина, героиня «полюбила мужа, как дитя отца» [14, с. 150]. В образе Софьи— («дикого полевого цветка» (С.150), которую «взлелеяла сельская свобода» [14, с. 150] угадываются черты Лариной, выросшей в провинции: «Дика, печальна, молчалива, |/Как лань лесная боязлива»[11, с. 41].

Важным средством характеристики у Майковой вновь становится круг чтения героев. Так, Софья «пристрастилась к чтению. В одно лето я прочла множество книг: Бюффон, Карамзин, Руссо, Пушкин и Жуковский знакомили меня с природою и людьми» [14, с. 151]. В пространстве зрелой по времени повести Майковой встречается имя британского поэта: «Мне дали Байрона: читая его, я перестала предаваться веселым мечтам и начала задумываться о вещах неопределенных, не совсем для меня понятных: во мне родилось какое – то новое чувство, - томная, сладостная боль в душе и в сердце» [14, с. 151]. Именно с этого начинается увлечение героини романтизмом, её бытовая жизнь начинает приобретать байронические черты. Так, особую роль в сюжетной линии «балзаковской»[14, с. 82] повести Майковой играет природа, её она многократно воспевает в переписке: «Смотрела бы ты на небо в прекрасную летнюю ночь, когда бриллиантовые звезды покрывают его пространство? любовалась ли ты величием моря, в синеве которого терялся бы твой взор?» [14, с. 148].

Далее сюжетная линия повести во многом повторяет фабулу «Евгения Онегина». Читатель узнает о том, что из столицы приехал один молодой человек» [14, с. 157] – Дмитрий Львович Руслов, которого в деревне ценят как редкость, как бриллиант, найденный в пустыне» [14, с. 157]. Он сразу пленит сердце молодой Софьи. Однако в отличие от пушкинской любовной линии, их отношения продолжались около двух лет. Героиня признается в том, что эта любовь была взаимной, у неё происходит разлад мечты с действительностью из-за критики возлюбленного, относительно чувствительности, отрешенности от жизни действительной. Данное утверждение стоит сопроводить словами Софьи: «Я проводила бы дни как верная собачка у ног твоих». На что Руслов заявляет, что «в жене своей желал бы видеть более рассудительной, положительной привязанности <...> » [14, с. 160].

Несмотря на то, что прозу Майковой называют ультрамантической [15, с. 79], и действительно её поэтика и содержание связаны с исключительностью романтизма, Майкова, на наш взгляд, в пространстве своих повестей («Мария» и «Женщина») указывает на ограниченность одностороннего идеализма, что напрямую связано с судьбами её главных героинь, которые к финалу утрачивают веру в идеализацию жизни

и страстей. Особенно это очевидно в повести «Женщина», в которой Майкова словно подводит свою героиню к нравственной переоценке («Теперь я не та; <...> я передела свой характер: живу без ведома сердца: рассудок управляет моею волею») [14, с. 168], что оказывается связанным, с одной стороны, с финалом «Евгения Онегина», а с другой — с финалом «Обыкновенной истории», в котором Гончаров меняет местами романтика племянника и реалиста дядю. Эта история, названная Гончаровым «обыкновенной», была связана с самими представителями майковского литературного дома. Первые подражательные стихотворные опыты Гончарова, которые были данью литературной моде, сменились текстом-диспутом — первым романом писателя, как и романтические опыты В. Н. Майкова, который впоследствии стал критиком, продолжателем Белинского на поприще реалистической эстетики. По мнению журналиста и историка русской литературы А .В. Старчевского, В. А. Солоницын (Солик) и его дядя В.А. Солоницын являются прототипами для двух художественных образов Адуевых. Литературная история романтика и реалиста из первого романа Гончарова происходила и в жизни самой Евгении Петровны. Это проявилось в её эстетической позиции и отношениях со старшим В. А. Солоницыным, который подвергал сатире романтизм в жизни и в литературе во всех своих работах, «выступал за простоту и естественность, против выспренности и украшенности «слога и мысли» [15, с. 30].

Во всех трёх рассматриваемых произведениях спустя время герои обнаруживают нравственные изменения, касающиеся «утраченных иллюзий». Мария в одноименной повести признает преступную составляющую собственной страсти и гибнет. Дмитрий Львович встречает Софью «уже не пылкую, не мечтательную, не поэтическую» [14, с. 165]. («Это ли моя Софья, мой полуземной ангел, моя прекрасная идиллия»-думал я) [14, с. 175] и обнаруживает «прозаическое направление её характера» [14, с. 168], когда она в беседе трезво размышляет о социальном устройстве других стран: «Там уже, говорят, всё предано в жертву одному уму и расчету: поэзия, мечтательность, нежность чувств там считаются глупостью, вздором» [14, с. 178]. Желая признаться в чувстве, Руслов, подобно Онегину («Примчался к ней, к своей Татьяне/Мой неисправленный чудак») [11, с. 158], по выражению Майковой, «приехал к крыльцу Софьи» [14, с. 178] «услышать приговор», обнаружив ее «каменность» («Софья.... Ты каменная!...» [14, с. 171]). Признание Софьи в финале повести аллюзивно связано со знаменитой сценой объяснения в «Евгении Онегине»:

A. С. Пушкин « Евгений Онегин» (1833)	E. П. Майкова «Женщина» (1850)
1. « Довольно; встаньте. Я должна Вам объясниться откровенно» [11, с. 160].	1. Довольно! довольно, я с избытком награждена за все свои страдания». <...> Я люблю тебя, Дмитрий <...> любила истинной любовью и буду любить до последней минуты жизни» [14, с. 179].
2. Я вышла замуж . Вы должны, Я вас прошу, меня оставить; Я знаю: в вашем сердце есть И гордость и прямая честь. Я вас люблю (к чему	2. « Я никогда никого не любила так, как любила вас! ». Я уважаю память моего мужа » [14, с. 179].

<p>лукавить?), Но я другому отдана; Я буду век ему верна» [11, с. 62].</p>	
<p>3. «Стоит Евгений, Как будто громом поражен. В какую бурю ощущений Теперь он сердцем погружен!» [11, с. 162].</p>	<p>3. «Положение моё было убийственно?» [14, с. 180]. «Этот холодный прием лишил меня языка и памяти» [14, с. 180].</p>

В отличие от финала «Марии», где жизнь главной героини обрывается трагически из-за любви, в тексте зрелой повести «Женщина» Софья разочаровывается в идеализации своего чувства, продолжая любить и быть примерной женой и матерью. Софья разочаровавшись, не гибнет, как и герои гончаровского романа. В финале романа Гончарова происходит зеркальная ситуация «превращения» романтика в реалистаплемянника в дядю и наоборот. Младший Адуев сообщает Петру Ивановичу, что не пренебрег его советом жениться не рано и на богатой невесте, а изменившийся старший Адуев («...странно было видеть на лице этого бесстрастного и покойного человека - каким мы его до сих пор знали - более нежели заботливое, почти тоскливо выражение») [\[6, с. 453\]](#) осознает то, что загубил трогательную натуру молодой жены своей рациональностью и практицизмом. Он сообщает Лизавете Александровне о своем решении всё поменять: «Полно жить этой деревянной жизнью! Я хочу отдохнуть, успокоиться; а где я успокоюсь, как не наедине с тобой?.. Мы поедем в Италию....» [\[6, с. 462\]](#).

Таким образом, «милостивая государыня Евгения Петровна», как назвал её в одном из писем Гончаров, заканчивает повесть о мечтательной натуре, её перерождением, отказом от «искренних излияний», и подобно Лариной и Адуеву утверждает своим художественным образом разочарованной в романтизме главное эстетическое утверждение литературы 1840-1850-ых годов XIX века — «полно рвать желтые цветы» [\[6, с. 465\]](#). Романтические тексты писательницы оказываются созвучными идеям «эстетического перепутья», на котором находилась современная ей литература. Верная романтическим традициям Евгения Петровна, выстраивая свои художественные тексты как полные чувствительности и двоемирия, роковой предопределенности, в поздней повести «Женщина» берёт за основу сцену объяснения Онегина и Татьяны для демонстрации и утверждения «утраченных иллюзий» героини, безусловно отталкиваясь ещё и от развязки гончаровской «Обыкновенной истории», тексте созданном в недрах её литературного дома, впитавшем в себя все противоречия литературы того времени, заключающиеся в синтезе романтических и реалистических начал. Очевидно, что поздняя повесть Майковой оказывается ближе к эстетике реализма 1840-1850-ых годов, где на первый план выходит не романтическая личность, происходит движение к объективности в изображении как героя, так и среды. Зрелое прозаическое творчество Майковой демонстрирует изменения, произошедшие в русской прозе, связанные с появлением в нём «черт феномена русского психологического романа, отличающегося широтой подходов к осмыслению жизни, разнообразием форм исследования личности и философской содержательности» [\[9, с. 169\]](#).

Библиография

- Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И. А.

- Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952–1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. 1955. 562 с.
2. Рыбасов А. П. И.А. Гончаров / А.П. Рыбасов. – Москва: Гослитиздат, 1962. 243 с.
  3. Павлович К. К. Диалог И. А. Гончарова с В.Г. Бенедиктовым (образ моря во "Фрегате "Паллада""") // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 15–21.
  4. Павлович К. К. Эстетика и лирика А.Н. Майкова 1840–1850-х гг. в художественном сознании И.А. Гончарова // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 14–19.
  5. Павлович К. К. И.А. Гончаров и В.А. Жуковский: к вопросу о романтической традиции в изображении природы // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 3. С. 77–81.
  6. Гончаров И. А. Обыкновенная история: Роман в двух частях // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – СПб.: Наука, 1997. Т. 1. Обыкновенная история. Стихотворения. Повести и очерки. Публицистика, 1832–1848. – 1997. – С. 172–469.
  7. Доманский В. А. Художественные зеркала романа И. А. Гончарова «Обрыв» / В. А. Доманский // Гончаров И. А. Материалы Международной научной конференции. Ульяновск, 2003. С. 146–150.
  8. Епимахова В. Г. Пушкинский код в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Уральский педагогический вестник № 1. 2021. С. 42–57.
  9. Седельникова О. В. Повесть Е. П. Майковой «Недоумение». Особенности проблематики и поэтики в контексте актуальных тенденций развития русской литературы 1840-х годов / О. В. Седельникова // Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2002 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. – С. 164–170.
  10. Гродецкая А. Г. Гончаров в литературном доме Майковых. 1830–1840-е годы. СПб.: ООО "Полигра", 2021. 430 с.
  11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. – 4-е изд. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 5. 529 с.
  12. Баевский В. С. Пушкинско-пастернаковская культурная парадигма. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 105–106.
  13. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года: (Отрывок из статьи): Статья вторая и последняя // Гончаров И. А. в русской критике: Сборник статей / Вступ. ст. М. Я. Полякова; Примеч. С. А. Трубникова. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. С. 38.
  14. Майкова Е. П. Женщина //Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. С. 147–180.
  15. Гродецкая А. Г. «Тоска и радость»: элегии Александра Адуева в «Обыкновенной истории» как автопародия Гончарова // Art Logos. СПб., 2019. № 4 (9). С. 20–35.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Проза Е. П. Майковой в контексте «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова" рассматривает творчество Екатерины Павловны Майковой, жены Владимира Николаевича Майкова, члена старинной дворянской семьи, с которой Гончаров был особенно близок в Петербурге. Дружба Гончарова с семьей Майковых, а также знакомство писателя с творчеством Е. П. Майковой.

Автор отмечает, что "литературный генезис «Обыкновенной истории» напрямую связан с

автобиографическими аспектами". Автор анализирует произведения Е. П. Майковой и сопоставляет элементы их текста с текстами Гончарова и Пушкина.

В качестве доказательства влияния семьи Майковых автор приводит свидетельства современников о том, что И. А. Гончаров вносил корректизы в свои произведения.

В первую очередь произведения этих трех авторов объединяют женские образы.

Так, одним из основных произведений Майковой, рассматриваемых статье, является повесть "Мария", где главная героиня увлечена Байроном. Автор статьи проводит параллели и сравнивает образ Марии с образом Татьяны Лариной в контексте противопоставления романтизма и реализма. Мария при этом олицетворяет романтизм, а её подруга - реализм. Подобные противопоставления автор находит у И. А. Гончарова в "Обыкновенной истории" и у А.С. Пушкина в "Евгении Онегине". При этом, по мнению автора, Е. П. Майкова сочувствует Марии.

В статье также рассматривается произведение "Женщины". В образе Софьи, главной героини данного романа, по мнению автора, "угадываются черты Лариной, выросшей в провинции". Подчеркивается также, что "сюжетная линия повести во многом повторяет фабулу «Евгения Онегина»".

В заключении автор делает вывод о том, что "несмотря на то, что прозу Майковой называют ультрамантической, и действительно её поэтика и содержание связаны с исключительностью романтизма, Майкова, на наш взгляд, в пространстве своих повестей («Мария» и «Женщина») указывает на ограниченность одностороннего идеализма, что напрямую связано с судьбами её главных героинь, которые к финалу утрачивают веру в идеализацию жизни и страстей".

Автор не делает акцент на выбранном методе, но из текста статьи видно, что метод представляет собой качественный контент-анализ.

В целом текст статьи соответствует научному стилю, и в нём не наблюдается значительных отклонений.

Представленный материал обладает теоретической и практической значимостью, а также является актуальным и новым.

Автор представил обширный список использованной литературы, что заслуживает уважения и вызывает доверие к представленным материалам.

Статья "Проза Е. П. Майковой в контексте «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова" рекомендуется к публикации в журнале "Litera" представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение творчества Е. П. Майковой. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».